

СИЛА ИСКУССТВА

К гастролям Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы

г. Вильнюс

«Саньчаоу». В роли хозяина харчевни арт. Ван Лин-сэнь.

но недавно в Китае женские роли играли только мужчины. Сейчас от этого обычая понемногу отходят. В Шанхайском театре, побывавшем у нас, почти все роли героинь отданы актрисам. Почти... Потому, что в «Нефритовом браслете» старую тетушку Лю чудесно изображает Сунь Чжен-ян, молодой, горячо любимый китайской публикой комический артист. Его путь в искусство начался с девяти лет. Он участник Всемирного фестиваля молодежи в Варшаве.

В «Нефритовом браслете» с особой силой раскрывается всестороннее дарование замечательной актрисы Ли Юй-жу. Несложная пьеса рассказывает о юноше, влюбленном в девушку. Нерешительность мешает ему объяснить. Тогда он кладет на порог ее дома браслет. Если девушка возьмет подарок — значит она принимает любовь. Актриса показывает всю гамму переживаний своей скромной героини. Тут и радость, и стеснительность, и боязнь. Надо видеть, как девушка, одев браслет, пытается сделать вид, что ничего не произошло. Она как ни в чем не бывало стонет курочек, но в голосе появились нежные-прежные оттенки, и глаза устремлены одновременно и на птицу и на подарок. Не стоит конечно еще раз подчеркивать, что куры, так же как иголка, нитка, порог, дверь, замок и многое-многое другое существуют только в воображении. Но существовать! Иначе этого не назовешь.

Как бы восполняя отсутствие декораций и бутафорий, костюмы артистов необычайно красочны и ярки. Темперамент, гармоничность движений, праздничность нарядов превращают спектакль в яркое запоминающееся зрелище.

Китайской музыкальной драме — свыше тысячи лет. Она создана народом, питается народными истоками, горячо любима им. Сюжеты пьес далеки от современности, но постановщики выбирают из огромного литературного наследия (до наших дней дошло больше 4 тысяч пьес) произведения, воспитывающие патриотизм, воспевающие борьбу с поработителями и угнетателями, рассказывающие о любви, о честности, о верности. Такие темы всегда находят благодарный отклик у высшего ценителя искусства — у массового зрителя. Покорили они и каунасцев, и вильнюсцев, побывавших на спектаклях Шанхайского театра пекинской музыкальной драмы.

И. РУДАС.

тист Чжоу Синь-фан) поднимает ногу, перекидывает ее через невидимое препятствие и взмахивает плетью. Так и есть — он сел на боевого коня.

За чудесной мастарской игрой актеров забываешь обо всех, поначалу непривычных условностях. А еще вернее — настолько свыкаешься с ними, что они становятся необходимыми для правильного восприятия событий, происходящих в пьесах.

Декораций нет, они лишь едва намечены. Артисты создают изумительную иллюзию подлинной реальности места действия. Покачивается на легкой волне челнок... Девушка замочила край платья в воде... Старик-перевозчик пытается оттолкнуть лодку от берега, забыв, что привязал ее к камням. Вертки не видно — она опустилась на дно. И все это — на ровных гладких досках сцены, прикрытых только мягким ковром. Вот уж где должно неустанно трудиться воображение зрителя. Это делает зал активным участником спектакля, прочно связывает его с исполнителями, а значит, облегчает восприятие идеи. О такой духовной близости со зрителем всегда мечтают лучшие мастера театра...

***

Последнюю неделю в Вильнюсе то и дело можно было услышать:

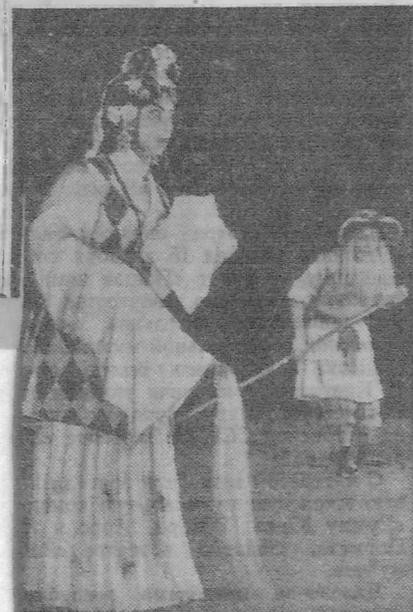
— Где бы достать билет?

Три представления — слишком мало, чтобы удовлетворить всех. В субботу, в первый день гастрелей, мы наблюдали такую сценку. Несколько молодых людей, если судить по фуражкам — студенты, стоваривались в сторонке:

— Значит так: я иду первым, в антракте выхожу и передаю контрамарку тебе...

Были, понятно, среди зрителей и такие, которые не сумели до конца воспринять новое, не смогли примирить его со своими привычными представлениями о драме. Но они остались в меньшинстве. Большинство покороено и очаровано восхитительным мастерством исполнителей, самобытностью глубоко национального китайского искусства.

То, что мы видели — не опера, не балет, не драма. Это все вместе взятое, да еще виртуозу с элементами

«Осенняя река». Девушка — арт. Ли Юй-жу. Старый лодочник — арт. Сунь Чжен-ян.

которые (если обязательно нужно подогнать под шаблон) можно назвать цирковыми. В пекинской музыкальной драме поют, танцуют, говорят — ритмично и попросту, а главное — рисуют пластическим движением. Если даже совершенно не знать, что обозначают те или иные краски грима, цвета одежды, отдельные условные жесты, все же большинство движений настолько понятно и правдоподобно, что не требует никакого объяснения. Актёр следует жизненной правде, — говорят директор театра Чжоу Синь-фан, — но он не все переносит из жизни на сцену. Мы отбираем то, что общее для всех людей такого характера. Да, натурализму нет места в китай-

ском театре. Мы хорошо убедились в этом. Здесь господство реализма, самого подлинного, глубоко народного. Все средства художественной выразительности служат ему. Взять хотя бы акробатику. В наших театрах ее нет. Правда, было время, когда формалисты пытались использовать акробатику в постановках. Но делалось это ради эксцентрики, необычности, и сводилась она к неожиданным трюкам, заслонявшим мысль, идею. Акробатика в пекинской музыкальной драме, так восхитившая вильнюсцев, не является самоцелью. Это — лишь один из приемов изображения.

Открывается занавес, и на сцене появляется разбитое войско императорского полковника. Его по пятам преследуют повстанцы (действие пьесы «В горах Яньданшань» происходит в VII веке). Войны лезут на го-

«В горах Яньданшань». Сцена преследования.

ру, срываются в пропасть, переплывают реку. Ни на секунду не прекращается сражение. Мелькают сверкающие мечи и дротыки. Вспыхивают ожесточенные поединки. Падают убитые и раненые. И что же? Все бурные события передаются акробатическими приемами в сочетании со строгим ритмическим танцем.

В 14-ти пьесах, показанных гостями в столице республики, много битв. В них участвует всего по несколько актеров. Но каскады головоломных прыжков, «колеса», сальто и «искусство летающего оружия» (жонглирование) создают впечатление, что на сцене сражаются армии.

Не только в баталиях нужна акробатика. Требовательный голос зовет хозяина харчевни («Саньчаоу»). Лю Ли-хуа знает — надо спешить, неожиданный гость может оказаться высокопоставленным лицом, и слезает по ступенькам со второго этажа прямо к воротам. Так воспринимает зритель этот эпизод. Именно воспринимает, а не видит! На подмостках нет ни ворот, ни дома, ни лестницы. Владелец постоялого двора ниоткуда не спускается, он вылетает из-за кулис, как бумеранг вертается в воздухе, и замирает в угодливом поклоне возле прищельца. В этой пьесе — одной из самых замечательных в репертуаре — актеры без труда убеждают зал, что действие происходит в хромешной тьме, хотя сцена залита ярким светом. Когда Лю Ли-хуа (арт. Ван Лин-сэнь) попадает кулаком в стену вместо лица противника, веришь страшной боли, искаившей его лицо... А стены нет.

Движение, жест — главное средство выразительности у китайских актеров, и они владеют им в совершенстве. Еще сравнитель-

Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР тов. Ю. Палецкис после вручения гостям Почетной грамоты Президиума Верховного Совета республики сердечно поздравляет китайских артистов. Фото И. ЖВЕЙСА.

«У стен Сычжоу». Небесный воитель — арт. Ци Ин-цай.

уст? Конечно, нет, это та же условность, с которой зритель соглашается тем охотней, чем лучше выведит певец самые высокие звуки — сверкает теноровой партии. То же — в других театральном жанрах, в других видах искусства. Самое главное при этом, чтобы условность не была пустым формалистическим вывертом, чтобы она стояла на прочной реалистической основе. Тогда она оправдана, допустима и воспринимается без всяких возражений.

Именно такова условность в китайском театре. Конечно, нам не хватает знания китайской действительности. Некоторые жесты, движения артистов, выражающие какую-нибудь мысль, нам недостаточно понятны (для зрителя Шанхая или Мукдена они непонятны глубоким содержанием). Но достаточно посмотреть один из спектаклей, и многое становится ясным. Вот Чэнь Чжэн-чжу, играющий обезьяну-оборотня, в мгновение ока несколько раз перевертывается и исчезает. Понятно — его закружил и унес вихрь, поднятый волшебным пальцем вверх. А вот полководец Сюэ Цинь-гуй (его играет выдающийся ар-